

Иванов Фёдор Николаевич

ГУБЕРНАТОРСКИЕ ОТЧЁТЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РЕКРУТСКОЙ ПОВИННОСТИ В ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX ВЕКЕ

Статья посвящена определению характера и ценности ежегодных губернаторских отчётов как источника по истории рекрутской повинности в Олонецкой губернии в XIX столетии. Установлено, что содержащиеся в источнике сведения о результатах рекрутских наборов представляют собой массив достаточно однородной информации, формировавшейся с 1833 по 1874 гг. Определены достоинства (систематический характер и достоверность) и недостатки (небольшая степень детализации) отчётов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/7-1/17.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (33): в 2-х ч. Ч. I. С. 78-82. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(47)(093):355.211.1–48”

Исторические науки и археология

Статья посвящена определению характера и ценности ежегодных губернаторских отчётов как источника по истории рекрутской повинности в Олонецкой губернии в XIX столетии. Установлено, что содержащиеся в источнике сведения о результатах рекрутских наборов представляют собой массив достаточно однородной информации, сформировавшейся с 1833 по 1874 гг. Определены достоинства (систематический характер и достоверность) и недостатки (небольшая степень детализации) отчётов.

Ключевые слова и фразы: рекрутская повинность; губернаторские отчёты; исторический источник; Олонецкая губерния.

Иванов Фёдор Николаевич, к.и.н.

Сыктывкарский государственный университет

fedor-ivanoff@mail.ru

ГУБЕРНАТОРСКИЕ ОТЧЁТЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РЕКРУТСКОЙ ПОВИННОСТИ В ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX ВЕКЕ[©]

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Республики Коми, проект № 12-11009 «Рекрутская повинность в XIX веке в регионах России (на примере Европейского Севера страны)».

Рекрутская повинность была важной частью жизни податных сословий России и Европейского Севера страны в XIX столетии. В настоящее время достаточно подробно изучены практика и результаты рекрутских наборов 1831-1874 гг. в двух составлявших северный регион губерниях – Архангельской и Вологодской [3; 4], разработка истории рекрутчины на территории третьей губернии – Олонецкой – не проводилась, данный сюжет лишь затрагивался исследователями в общих трудах по истории Карелии [7, с. 216; 9, с. 196] или в работах более частного характера [1, с. 41, 109-118; 8, с. 98-101; 21, с. 57]. Основой исторического исследования являются исторические источники; в настоящее время в научный оборот прочно вошли губернаторские отчёты, ставшие одним из важных источников по истории регионов страны. Целью нашей работы является анализ губернаторских отчетов как источника по истории рекрутской повинности в Олонецкой губернии в XIX в. Для исследования привлечены отчёты олонецких губернаторов за 1804-1874 гг., отложившиеся в Российском государственном историческом архиве (далее – РГИА) г. Санкт-Петербурга (фонды 1263 – Комитет Министров, 1281 – Совет министерства внутренних дел, 1284 – Департамент общих дел МВД, 1286 – Департамент полиции исполнительной МВД). В качестве начальной даты исследования выбрано появление ежегодных губернаторских отчетов в 1804 г., конечной даты – отмена рекрутской повинности в 1874 г.

Практика предоставления верховной власти ежегодных обязательных губернаторских отчётов о состоянии вверенной территории была установлена циркуляром МВД от 4 ноября 1804 г. [5, с. 144]. Формуляр отчёта складывался постепенно, определяющее влияние на этот процесс оказывало постепенное изменение характера документа. Первоначально губернаторский отчёт рассматривался как свод информации, необходимой министру внутренних дел для составления им общего годового отчёта по ведомству. В соответствии с таким подходом губернаторы сводили информацию в три раздела, которые соответствовали внутренней административной структуре министерства. В 1827-1831 гг. характер губернаторских отчётов начал существенно изменяться. В усовершенствованной императором Николаем I бюрократической вертикали управления ежегодные донесения губернаторов были необходимы государю для более эффективного управления регионами большой страны и контроля над деятельностью местных чиновников. С 1828 г. отчёты по-прежнему представлялись в МВД и состояли из разделов в соответствии с интересами департаментов ведомства. В 1831 г. была определена новая форма отчётности, однако принятый ранее принцип распределения информации еще сохранялся. Наконец, «общим наказом гражданским губернаторам» 3 июня 1837 г. был определен жестко заданный перечень вопросов, которые обязательно надлежало осветить в ежегодном губернаторском донесении [Там же, с. 145-146]. Этим документом была утверждена программа «общего отчёта о состоянии губернии и управлению ею» и его структура, состоявшая из основной части – собственно «Всеподданнейшего отчёта» и таблиц-приложений к нему. Созданный в 1837 г. формуляр без каких-либо радикальных изменений просуществовал до 1870 г. Более того, в 1842 г., а затем в 1853 г. текстовая часть документа для достижения большего единообразия была «заклиширована» [Там же, с. 146]. Теперь составители отчётов должны были придерживаться в своей работе специально разработанных образцов. Отчёты имели форму ежегодных «всеподданнейших донесений» императору и поступали в I Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, а затем передавались на рассмотрение в Комитет Министров [6, с. 171]. В годы «Великих реформ» изменения в стране значительно увеличили требования к обеспеченности власти качественной информацией и материалами аналитического характера о развитии отдельных регионов. В 1870 г. был разработан новый формуляр губернаторского отчёта, который теперь должен

был состоять, во-первых, из собственно отчёта, где в сжатом виде губернатору следовало изложить самую важную и новую информацию по ряду четко определенных вопросов, во-вторых, из «обзора», в котором предоставлялась более подробная информация по уже достаточно широкому кругу вопросов, с приложением ряда ведомостей с цифровыми данными. Еще одним отличием новой формы отчётности стало предоставление губернаторам большей свободы и инициативы при составлении документов [5, с. 150-155].

Всего в XIX в. в России и в Олонецкой губернии было проведено 47 рекрутских наборов (без учета уравнительных наборов первой трети столетия), но в отложившихся в фондах РГИА отчётах начальников Олонецкой губернии представлены сведения лишь о результатах 22 из них и только в 12 случаях приведены полные сведения (см. Таблицу).

Таблица.

Сведения ежегодных губернаторских отчётов о рекрутах, собранных в Олонецкой губернии в 1833-1874 гг.*

Год, набор	Следовало собрать рекрутов по «раскладке»	Собрано за время набора рекрутов		Осталось в недоимке
		«натурой»	зачтено по квитанциям	
1833, 98-й	-	-	-	55
1838, II-C	-	-	-	0
1839, III-3	535	478	57	0
1840, O	525	446	79	0
1842, IV-3	501	501		0
1844, V-3	539	538		1
1846, VI-3	533	531		2
1847 - ур.	212	212		0
1849, VIII-3	854	759	95	0
1850, IX-3	747	646	141	0
1852, X-3	814	672	142	0
1854, XI-3	1029	901	128	0
1854, XII-3	1142	1043	99	0
1855, O	885	809	76	0
1870	459	387	72	0
1871	605	498	107	0
1872	594	493	101	0
1873	493	422	71	0
1874	613	520	93	0

Примечания: 1) O – общий рекрутский набор с обеих полос империи, частные очередные рекрутские наборы с полос Северной (I-C) и Западной (X-3), ур. – уравнительный рекрутский набор с Западной полосы; 2) знак «-» означает, что сведений не имеется.

* Составлено по: [10, д. 1549, л. 364 об., д. 2181, л. 1727 об.; 11, д. 64, л. 45, д. 103, л. 42; 12, д. 21, л. 27 – 27 об., д. 24, л. 23 – 23 об., д. 40, л. 37; 13, д. 21, л. 28, д. 42, л. 28, д. 60, л. 48; 14, д. 48, л. 15 – 15 об., д. 52, л. 22 об. – 23; 16, д. 14, л. 24 об.; 17, д. 80, л. 20, д. 175, л. 59-60; 18, д. 110, л. 27 об., 62, д. 126, л. 69-70, д. 156, л. 29 об. – 30].

Отсутствие в губернаторских отчётах первой четверти XIX в. информации по рекрутской повинности объясняется тем, что МВД её не запрашивало, то есть данный показатель не был критерием для оценки ситуации в регионах и качества работы их руководителей [15, д. 90, л. 1-365, д. 91, л. 153]. Только с 1828 г. в отчётах появилась информация «по рекрутской части», но еще не предоставлялись цифровые данные о результатах набора. В частности, Олонецкий губернатор докладывал лишь о мерах, которые принимались им для скорого, успешного и бездоимочного проведения сбора рекрутов, и об известных злоупотреблениях [19, д. 799, л. 59 – 68 об.; 20, д. 672, л. 66-70, 107 об.]. С начала 1830-х годов в донесениях начальников Олонецкой губернии сведения о рекрутских наборах стали дополняться данными о числе рекрутов, оставшихся в недоимке, с 1839 г. предоставляемая информация была значительно расширена за счет данных статистического характера о числе рекрутов, которых следовало собрать в губернии, и о результатах наборов (см. Таблицу). Кроме того, в отчётах теперь предоставлялись сведения о размещении рекрутских присутствий и о происшествиях во время набора.

В 1842 г. после внедрения в бюрократическую практику нового формуляра с заклишированным текстом «образцового отчета» информация о рекрутских делах приобрела более единообразный характер. Сведения о рекрутских наборах структурно входили во второй раздел текста отчета (по циркуляру 1842 г. он носил название «Хозяйственной части», с 1853 г. раздел назывался «Подати и повинности»). Формуляр 1842 г. требовал от составителей отчёта, в первую очередь, предоставить информацию о результатах рекрутского набора в губернии (с какого числа душ мужского пола податных сословий и сколько следовало собрать рекрутов, сколько собрано, сколько заменено квитанциями или уплатой денег, сколько рекрутов осталось в «недоимке»). Кроме этого, было необходимо внести сведения о числе и наиболее часто встречающихся

причинах «забракований» рекрутов при их освидетельствовании в присутствиях, о поступивших жалобах и результатах их рассмотрения, о числе и местах расположения рекрутских присутствий, о расходах сословий на «отдачу» рекрутов, а также о чрезвычайных происшествиях в ходе набора новобранцев. Круг вопросов, интересовавших центральную власть, был достаточно широк и охватывал практически все важные вопросы практики рекрутских наборов. Однако, как можно видеть из материалов таблицы, информация о рекрутских наборах, несмотря даже на заклишированную форму отчета, предоставлялась Олонецкими губернаторами не в полной мере. Так, в 1842-1847 гг. отдельно не указывались данные о количестве внесенных вместо «натуральных» рекрутов зачетных рекрутских квитанций, и только с 1849 г. начали предоставляться более детальные сведения. В данном случае мы можем видеть, с одной стороны, специфику сведений губернаторских отчетов о рекрутской повинности, когда императора и МВД интересовала не подробная статистика по наборам (она поступала к ним в виде специальных ведомостей в ходе самих наборов), а самая общая информация по сбору рекрутов: выполнен ли набор в предусмотренный срок и в полном ли объеме. С другой стороны, видны и местные особенности, связанные с разными представлениями губернских чиновников о должной полноте требуемых от них материалов.

В 1870 г. был разработан новый формуляр губернаторского отчета, но требования к информации по рекрутскому набору в основной части отчета остались прежними, что нашло отражение и в материалах нашей таблицы. Новшеством стало дополнительное приложение к отчету – «Ведомость о производстве общего рекрутского набора...», в которую предусматривалось вносить сведения о раскладке рекрутской повинности и результатах рекрутских наборов по уездам и сословным группам в составе их населения. Однако в отчетах по Олонецкой губернии нет информации о количестве внесенных рекрутских зачетных квитанций представителями податных сословий региона.

На основе более полной информации о наборах 1839-1874 гг. попытаемся выявить тенденции, характерные для практики рекрутских наборов на территории Олонецкой губернии. В материалах представленной выше таблицы обращает внимание относительно большой процент зачетных вместо «натуральных» рекрутов квитанций – 13,6% от общего числа рекрутов по раскладке (в дореформенное время в среднем 12,1% от общего числа собранных рекрутов и в пореформенную эпоху в среднем 15,9%). В то же время в 1833-1874 гг. в России только 8,3% рекрутов представили вместо себя квитанции, а в других губерниях Европейского Севера России – Вологодской и Архангельской, с учетом права населения последней на замену поставки «натуральных» рекрутов денежным взносом, от рекрутчины смогли откупиться 11,8% рекрутов [3]. Заметно также, что представленные в таблице данные отчетов не позволяют утверждать, что в Олонецкой губернии по итогам рекрутских наборов имелся постоянный недобор молодых солдат [9, с. 196].

Кроме того, по имеющимся в донесениях «начальников губернии» данным за семь наборов 1842-1852 гг., всего рекрутскими присутствиями Олонецкой губернии было забраковано 1390 человек, наиболее распространенными причинами отказов в приеме на службу были «малый рост» (637 случаев, или 45,8%), а также «случайные телесные недостатки» и хронические болезни будущих рекрутов (отмечены у 603 человек, или 43,3% от общего числа забракованных), и только 152 человека, или 10,9%, не были приняты потому, что имели «неуказные лета». За те жеборы в отчетах приведены и сведения о количестве жалоб, поданных представителями податных сословий Олонецкой губернии. Всего в 1842-1852 гг. по раскладке следовало собрать 4200 рекрутов, населением же был оспорен прием 678 человек (16,1% от числа рекрутов по раскладке), но государство признало неправильным набор лишь 124 человек, или всего 3% всех рекрутов [10, д. 1549, л. 365, д. 2181, л. 1727 об. – 1728; 12, д. 21, л. 27 – 28 об., д. 24, л. 23 об. – 24, д. 40, л. 37 об. – 38 об.; 13, д. 21, л. 28 об. – 29, д. 42, л. 28 об.].

Существенное происшествие в ходе наборов было занесено в отчет только однажды, когда в 1839 г. в работе первого уездного рекрутского присутствия в г. Каргополе вскрылись «разные беспорядки», о которых губернатор докладывал в МВД и испрашивал разрешение «как насчет порядка отобрания от членов, составлявших рекрутское присутствие, объяснений, так и о том, должно ли быть дело сие передано на рассмотрение уголовной палаты или следует представить его в Правительствующий Сенат» [11, д. 103, л. 42 – 42 об.].

Представляет интерес также содержащаяся во второй части отчета ведомость № 13 «об издержках по очередному рекрутскому набору в... губернии», в которой показаны расходы представителей всех сословных групп каждого уезда на «отдачу» одного рекрута и раскрыта структура этих расходов. Это были усредненные расчетные данные по каждому сословию в уезде. Следует учесть, что стоимость обмундирования и жалованье рекрутам определялись заранее императорскими указами и были неизменными для всех губерний. Стоимость провианта была одинаковой и неизменной для всех сословий уезда. Количество продовольствия было определено Рекрутским уставом, а его стоимость определялась так называемыми «справочными ценами». Расчеты для составления ведомости № 13 производились на основании данных тетрадей рекрутских отдатчиков, в которые те были обязаны заносить записи о всех своих расходах. После завершения приемки рекрутов уездный или губернский стряпчий – смотря, где находилось присутствие – должен был изымать у отдатчика тетрадь с записями и проводил ревизию. Он сводил однородные расходы в одну сумму и все суммы в одну общую. Затем сведения заносились в квитанцию, выдаваемую отдатчику. Рекрутские присутствия направляли сведения о числе рекрут и количестве собранных денег в канцелярию губернатора. Таким образом, данные губернаторских отчетов о расходе на «отдачу» одного рекрута основываются на достоверных источниках. В 1870 г. казна взяла на себя обеспечение расходов на обмундирование, жалованье рекрутам и провиант, и необходимость в ведомости № 13 отпала.

В целом достоверность сведений губернаторских отчетов о рекрутской повинности не вызывает сомнений, поскольку в соответствии с действовавшим законодательством губернатор был обязан осуществлять «главный надзор и попечение» за подготовкой и проведением рекрутских наборов во вверенной ему губернии, и к нему стекалась вся необходимая информация о подготовке и проведении наборов; губернатор же собирал статистические данные во время наборов и отправлял в МВД двухнедельные и отчетные итоговые ведомости об «успехах сбора рекрутов». Также под рукой у «начальника губернии» находился архив губернской казенной палаты, которая отвечала за учёт и распределение рекрутской повинности и хранила все дела рекрутских присутствий. Однако, несмотря на имеющиеся в губернаторских отчетах материалы статистического характера и некоторые интересные подробности истории рекрутчины в регионе, более детальное изучение сюжета возможно уже только при расширении круга источников за счет материалов центральных отраслевых и губернских органов управления.

Необходимо сказать еще об одном важном моменте. В фонде 1281 (Совет министерства внутренних дел) сохранились дела по отчетам, то есть материалы комплексного характера, что имеет большое значение не только для изучения рекрутской повинности на уровне отдельных губерний, но и для анализа работы органов государственного управления империи в сфере рекрутской повинности. В этих делах имеется немало примеров того, как МВД и его структуры анализировали донесение «начальника губернии», эффективность и последствия принятых ранее решений и давали свои новые указания на основе проведенного анализа [12, д. 24, л. 198 – 198 об., д. 40, л. 203 – 212 об.; 13, д. 21, л. 172 – 172 об., д. 42, л. 127 об. – 134]. Так, в Олонецкой губернии длительное время открывалось только по два рекрутских присутствия (губернское в Петрозаводске и уездное в Каргополе) [19, д. 799, л. 59 об., 64 об.], и это при том, что с 1831 г. максимально разрешенное их число по Рекрутскому уставу было вдвое больше (одно губернское и до трех уездных) [2, с. 520], а сами начальники Олонецкой губернии неоднократно в своих отчетах говорили об обширности вверенной им территории, сложных климатических условиях и плохих путях сообщения [11, д. 64, л. 45; 19, д. 799, л. 59 об., 64 об.]. Наконец, в 1847 г. при анализе губернаторского отчета за предшествовавший 1846 год Департамент полиции исполнительной МВД и Совет министерства внутренних дел посчитали, что двух рекрутских присутствий для обширной Олонецкой губернии мало и что их недостаток приводит к увеличению расходов населения на отдачу рекрутов. В итоге начальнику губернии было предписано учреждать на будущее время больше присутствий, предписание начальства было принято губернатором к «руководству и исполнению» [12, д. 40, л. 203 – 212 об.]. Таким образом, и в Олонецкой губернии увеличилось число приемных пунктов рекрутов, в 1849 г. было добавлено третье – Вытегорское уездное рекрутское присутствие. Как удовлетворенно отметил чиновник Департамента полиции исполнительной МВД, рассматривавший отчет начальника Олонецкой губернии за 1849 г., «в примечании к ведомости № 13 сказано, что в 1849 году издержки по сдаче рекрут были менее 1848 г. от того, что при учреждении одним рекрутским присутствием более, расстояние высылки рекрутов к месту приема сокращено, что сделано по положению Совета, сообщенному в департамент полиции исполнительной 23 января 1847 г. относительно разрешения учреждать более 4 рекрутских присутствий» [13, д. 21, л. 172 – 172 об.].

Вообще же, департамент полиции исполнительной и Совет МВД внимательно относились к контролю над ходом рекрутских наборов и расходами населения на «отдачу» рекрутов. Так, в ходе анализа отчета Олонецкого губернатора за 1852 г. чиновники департамента заметили, что в городах Петрозаводск и Вытегра, где были учреждены рекрутские присутствия, стоимость сдачи рекрутов была выше, чем в городах Олонец и Пудож, где рекрутских присутствий не было. Совет министерства внутренних дел запросил от Олонецкого губернатора соответствующие объяснения, из которых стало ясно, что в Петрозаводске один рекрут был сдан еще до начала набора, и на его содержание потребовалось больше денег, а в Вытегре один рекрут лежал в больнице и потом его отвозили для окончательного освидетельствования в Петрозаводск в губернское рекрутское присутствие, что тоже потребовало немалых расходов [Там же, д. 42, л. 127 об. – 134]. В то же время, когда в 1848 г. в МВД рассматривалось «всеподданнейшее донесение» олонецкого губернатора за 1847 год, и Совет министерства высказывал предварительное замечание о малом числе рекрутских присутствий (оно было только одно – губернское в Петрозаводске), Департамент полиции исполнительной разъяснил, что открывать при наборе 2 рекрут с 1000 душ дополнительные присутствия было нецелесообразно, и в итоговые замечания МВД по губернаторскому отчету это замечание Совета не вошло [12, д. 24, л. 198 – 198 об.].

Итак, как можно видеть на примере Олонецкой губернии, отчеты губернаторов являются ценным источником по истории рекрутской повинности и содержат важные сведения, касающиеся практики проведения рекрутских наборов и их результатов в регионах. Особую важность информации «всеподданнейших донесений» губернаторов придает характер данного вида источников как документов делопроизводства, поскольку здесь мы имеем дело с массивом более-менее однородной информации, целенаправленно и систематически формировавшимся по определенным программам достаточно большой промежуток времени. Содержание губернаторских отчетов изменялось синхронно с изменением подхода государственной власти к функциям отчетов в системе делопроизводства. К появлению в документе в 1828 г. сведений о рекрутской повинности привел происходивший на протяжении первой трети XIX в. отход от принципа составления губернаторского отчета как сборника сведений для последующего составления годового отчета по МВД. Превращение ежегодного донесения губернатора в инструмент контроля и управления регионами в руках императора в 1830-е годы привело к росту объема информации о рекрутской повинности, а затем и к её качественному изменению по глубине охвата проблемы и степени требований к унификации предоставляемых

сведений. С конца 1840-х годов губернаторские отчеты приобрели наибольшую информационную насыщенность. Однако у губернаторских отчетов как источников по истории рекрутской повинности имеются и определенные недостатки. Поскольку главного адресата губернаторских отчетов интересовала информация о скорости и степени успешности проведения рекрутских наборов, а также случавшихся в их ходе нарушениях, отчеты не показывают в полной мере специфики рекрутской повинности в регионах, вплоть до 1870-х годов в них отсутствуют сведения о результатах наборов по сословиям и уездам. Несколько снижает ценность губернаторских отчетов и недостаточный уровень детализации их информации по результатам рекрутских наборов на губернском уровне. В ряде случаев проявлялась и местная специфика, когда, например, начальники Олонецкой губернии не указывали количество представленных к зачету во время наборов 30-40-х годах XIX в. рекрутских квитанций, а в пореформенное время не очень подробно детализировали сведения о результатах наборов по сословиям и уездам. Впрочем, при условии обращения к материалам центральных отраслевых и губернских органов управления указанные недостатки не являются критическими. В целом системность и достоверность сведений губернаторских отчетов является важным подспорьем для исследователей, позволяя установить основные тенденции и общую динамику проведения рекрутских наборов в регионе.

Список литературы

1. Балагуров Я. А. Приписные крестьяне Карелии в XVIII-XIX вв. Петрозаводск: Карельское книжное издательство, 1962. 352 с.
2. Высочайше утвержденный устав рекрутский от 28 июня 1831 г. № 4677 // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1832. Собрание второе. Т. VI. С. 501-657.
3. Иванов Ф. Н. Воздействие рекрутской повинности на население Европейского Севера России в 1831-1874 гг. // Историческая демография. 2008. № 2. С. 25-31.
4. Иванов Ф. Н. Рекрутская повинность населения России в 1831-1874 гг. (на материалах Европейского Севера): автореф. дисс. ... к.и.н. Сыктывкар, 2006. 19 с.
5. Литвак Б. Г. Очерки истории массовой документации XIX – начала XX в. М.: Наука, 1979. 292 с.
6. Минаков А. С. Всеподданнейшие отчеты губернаторов как источники по изучению взаимоотношений центральной и местной власти в России второй половины XIX – начала XX в. // Отечественная история. 2005. № 3. С. 170-175.
7. Очерки истории Карелии. Петрозаводск: Государственное издательство Карельской АССР, 1957. Т. 1. 432 с.
8. Пашков А. М. Олонец в первой половине XIX в. // Олонец: историко-краеведческий очерк: в 2-х ч. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1999. Ч. I. С. 91-117.
9. Пулькин М. В. Карелия в XVIII – первой половине XIX в. // История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. С. 181-240.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1263. Оп. 1.
11. РГИА. Ф. 1281. Оп. 3.
12. РГИА. Ф. 1281. Оп. 4.
13. РГИА. Ф. 1281. Оп. 5.
14. РГИА. Ф. 1281. Оп. 6.
15. РГИА. Ф. 1281. Оп. 11.
16. РГИА. Ф. 1284. Оп. 19.
17. РГИА. Ф. 1284. Оп. 67.
18. РГИА. Ф. 1284. Оп. 69.
19. РГИА. Ф. 1286. Оп. 4.
20. РГИА. Ф. 1286. Оп. 5.
21. Филимончик С. Н., Гольденберг М. Л. История Петрозаводска: учебное пособие. Петрозаводск: Карелия, 2003. 280 с.

**GOVERNOR'S REPORTS AS SOURCE ON HISTORY OF RECRUITING DUTY
IN OLONETS PROVINCE IN THE XIXTH CENTURY**

Ivanov Fedor Nikolaevich, Ph. D. in History
Syktvykar State University
fedor-ivanoff@mail.ru

The author determines the character and value of governors' annual reports as a source on recruiting duty history in Olonets province in the XIXth century, ascertains that the data on recruitment results contained in the source present the corpus of sufficiently similar information formed from 1833 till 1874, and reveals the advantages (a systematic character and authenticity) and disadvantages (a small degree of detalization) of the reports.

Key words and phrases: recruiting duty; governors' reports; historical source; Olonets province.